

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СТАРОГО ВЕЧЕРОЧНИКА

Вет. Москва. - 1990. - 7 мая

С ВИДОМ НА СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР

Для меня она казалась самой большой, самой светлой, самой лучезарной комнатой в несколько казенном доме Радиокomiteта в Путинковском переулке. Это была дикторская. Здесь дикторы готовились к очередным передачам, еще и еще раз просматривали сводки Совинформбюро, репортажи фронтовых журналистов с различных фронтов Великой Отечественной войны.

В эту комнату, которая находилась на первом этаже и окнами выходила на Страстной бульвар, приходили перед началом передачи ее участники — ученые, артисты, писатели. Кого только здесь можно было увидеть! Сосредоточенные, взволнованные лица, нервные взгляды и вдруг спокойный голос диктора: «Товарищи, пора в студию!».

Многих замечательных актеров видела в годы войны наша дикторская. Я уже как-то писал о непередаваемом впечатлении от прихода Василия Ивановича Качалова. Од-

на для каждого произведения чтец находил новые краски, новые интонации, которые в сочетании с самобытной, удивительной русской народной речью помогали создавать ему работы поистине большого художественного звучания.

Д. Н. Орлов долгие годы был артистом Московского театра Революции. Это был любимый театр моего детства, юности, студенческих лет. Незабываемы роли Орлова, сыгранные на сцене Театра Революции. Среди ранних его работ я помню роль Семена Рака в пьесе Ромашова «Воздушный пирог». А как он играл Юсова в «Доходном месте», хитрого Тристана из «Собаки на сене», советского работника Ковалева из «Павла Грекова», Умку в «Умке — белом медведе», гениального Кутузова в «Давным-давно» и многие, многие другие роли. Все эти образы, созданные артистом, были проникнуты неповторимой жизненной правдой и искренностью.

Радиослушателям тех далеких во-

Вы же сами не хуже моего знаете все секреты работы у микрофона... Избегайте поучающих командирских интонаций... Нет ничего печальнее, чем когда внимательный слушатель понимает, что поучающий его чтец сам нетверд в предмете... Читая, надо стараться видеть людей, волноваться, убеждать, уступать, горевать, радоваться и жить! Переживать сердцем, а не изображать переживание».

Ну давайте еще раз вспомним Орлова-чтеца. Никогда не забудется в его исполнении фрагменты из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», а сколько тепла, гордости, большой любви слышалось в чтении поэмы К. Симонова о великом Суворове. Но, повторяю, одним из самых любимых Орловым писателей был Шолохов.

Дмитрий Николаевич был очень мягким, спокойным и очень доброжелательным человеком. Я не помню, чтобы он когда-нибудь повысил голос. В последние годы своей жизни Д. Н. Орлов работал в Московском Художественном театре. С волнением я получал от него контрамарочки на входные места на спектакли, в которых он участвовал. За сравнительно короткий период он с успехом сыграл в спектаклях «Офицер флота» (Ждановский), «Последняя жертва» (Дергачев) и «Мертвые души» (Манилов), а затем играл Луку в «На дне», Перчихина — в «Мещанах» и др.

Как-то в одной из бесед он говорил мне, что сейчас всецело увлечен своей новой работой во МХАТе. «Я репетирую роль Вафли в «Дяде Ване» Чехова. Это первая большая роль, которую я сыграю в новом спектакле Художественного театра и первый мой дебют в чеховской драматургии».

Репетиции занимали много времени у артиста. Однако он не прекращал своей постоянной работы у микрофона. А время было грозное. С упоением читал он по радио один из рассказов Горького и новое стихотворение Исаковского, с нетерпением ждал того времени, когда сможет познакомить радиослушателей с новыми главами из романа «Они сражались за Родину» М. А. Шолохова.

Дмитрия Николаевича любили радиослушатели. Любили его слушать на фронте, в перерыве между боями, любили его слушать в тылу, любила его Москва, верным сыном которой он был всю свою творческую жизнь. Существуют записи с выступлениями артиста, но они, к сожалению, крайне редко звучат по радио: А Орлов заслужил большего.

В. ШЕВЦОВ.

НА СНИМКЕ: у микрофона — **Д. Н. ОРЛОВ.**

нажды утром в дикторской готовились к очередной литературной передаче Елена Николаевна Гоголева и Пров Михайлович Садовский. Великий русский артист, красивый, высокий, седой, стройный, вместе с Гоголевой читал стихи Вяземского, Апухтина, Веневитинова... Это были стихи о русских городах, и среди них вдруг — стихотворение Степана Щипачева о Москве. Оно было некоторым диссонансом другим стихотворениям. И вот Садовский подошел ко мне и тихо, робко спросил: «А кто такой Щипачев?». Я ответил: «Это известный наш поэт». «А когда, в какие времена он жил?». Это вызвало добрую улыбку и у меня, и у Елены Николаевны.

Частым гостем радиостудии был народный артист республики Дмитрий Николаевич Орлов. Он выступал у микрофона с разнообразнейшим репертуаром. Популярность его была огромна. Каждое его выступление отличалось одно от другого,

и в годы войны еще до появления в печати «Василия Теркина» А. Т. Твардовского Д. Н. Орлов читал его по оригиналу, который ему вручил Александр Трифонович.

Разве можно забыть в исполнении Орлова отрывки из «Войны и мира»?

В один из военных дней группа дикторов обратилась к Орлову с просьбой рассказать, как чтец работает над текстом, как добывается своих неповторимых правдивых интерпретаций, словом, поведайте дикторам, в чем секрет чтецкого обаяния Дмитрия Николаевича, он говорил: «Ну что нового я вам скажу.